

Н.В.Иванова, В.Н.Мышкин (Самара)

К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V–I вв. до н. э.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00264а

Изучение керамических сосудов кочевых племен Волго-Уралья савроматского и раннесарматского времени имеет длительную историю (Смирнов, Петренко, 1963. Табл. 6–9; Мошкова, 1963; 1974; Смирнов, 1964; 1989. С. 167, 173–174; Пшеничнюк, 1983. С. 100–101, 115–117; Скрипкин, 1990. С. 30–58). Однако при изучении данной категории находок исследователи основное внимание, прежде всего, уделяли морфологии и орнаментации посуды для создания ее классификации. Технология изготовления этих пред-

метов быта в настоящее время является наименее изученной сферой культуры кочевого скотоводческого населения волго-уральских степей. Только в последние годы появилось несколько работ, посвященных разработке этой темы (Иванова, 2000; Краева, 2000; 2003; 2003а).

В данной статье предполагается дать предварительную обобщенную характеристику доступных для изучения ступеней естественной структуры технологии изготовления керамики кочевниками, населявшими степи Самарского

Заволжья в V–I вв. до н. э. Еще одной задачей является определение динамики и характера изменений в навыках гончарного производства скотоводческих коллективов, кочевавших на этой территории в различные периоды второй половины I тыс. до н. э.

В статье использованы результаты технологического анализа 36 опубликованных сосудов из 39 образцов посуды, изученных при помощи микроскопа. Эти изделия обнаружены в погребальных комплексах, которые были раскопаны в 70–90-е годы XX века (Скарбовенко, 1976. С. 174–178; Мышкин, 1992; Мышкин, Скарбовенко, 1996; Сташенков, 1999. С. 26–27; Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999; 2000; Кузнецов, Мышкин, 2003).

Исследования проводились по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978. С. 3–265; 1999. С. 5–109). Данная методика основана на микроскопическом анализе археологической керамики и экспериментальных серий, технологической трасологии и сравнении археологического материала с эталонными образцами. Объектами изучения выступают следы работы гончара на поверхностях и в «свежих» изломах сосудов. Любое гончарное производство представляет собой систему реализации взаимосвязанных навыков труда, обладающих определенной устойчивостью. Автор методики в структуре технологии выделяет три стадии и двенадцать ступеней, отражающих решение узких технологических задач, неизменно возникающих во всех керамических производствах.

1. Подготовительная стадия – в рамках нее происходит отбор, добыча и подготовка исходного сырья, а также составление формовочной массы.

2. Созидательная стадия – связана с конструированием, формообразованием и механической обработкой поверхностей сосудов.

3. Закрепительная стадия – включает в себя операции по приданию изделию прочности и водонепроницаемости.

Такие узкие технологические задачи, как конструирование служебных частей емкостей и орнаментация поверхностей, не являются обязательными, а служат дополнением постоянной структуры в рамках созидательной или закрепительной стадий (Бобринский, 1999. С. 11).

Следующие положения позволяют использовать технологическую информацию для изучения особенностей культурно-исторических процессов прошлого.

1. Знания о навыках труда носят эмпирический характер. Система трудовых навыков в гончарстве складывается исторически и в стабильных условиях обладает устойчивостью.

2. Механизм передачи приемов труда осуществляется только контактным путем, этим обус-

ловлено образование устойчивых технологических традиций, характерных для коллектива, объединенного родственными связями. Традиции изготовления посуды из пластического сырья допустимо называть культурными традициями в области гончарной технологии.

3. В условиях смешения разных в культурном отношении групп населения происходят изменения навыков труда в соответствии с определенными закономерностями.

В процессе смешения разные навыки проявляют себя по-разному и обладают различной устойчивостью к изменению условий. Субстратные навыки (представления об исходном сырье для изготовления посуды, приемы формообразования, конструирования начинки и полого тела) сохраняются в течение нескольких поколений гончаров. Приспособительные навыки (отбор исходного сырья как решение узкой задачи, составление формовочных масс, обработка поверхностей) могут измениться через несколько лет после начала процесса смешения (Бобринский, 1978. С. 242–244).

Данные о конструировании многих сосудов получить не удалось, так как часть из них сохранилась во фрагментированном состоянии. Кроме того, многие экземпляры посуды находятся в экспозициях музеев. Поэтому изучение способов их конструирования оказалось невозможным.

Обобщенная характеристика навыков работы по доступным ступеням производства керамической посуды кочевников савроматского и раннесарматского периодов выглядит следующим образом.

1. Представления об исходном сырье.

В результате исследования выявлена следующая информация. В среде производителей изучаемой посуды преобладало представление о глине как основном пластичном сырье для изготовления сосудов, причем использовалась как глина одного сорта, так и смесь нескольких. Существовали также, но у значительно меньшей группы производителей, представления об использовании глиноподобного сырья для изготовления посуды. Зафиксированы также случаи использования смеси указанных выше видов сырья (табл. 1; 2).

Наличие различных представлений о сырье является свидетельством того, что существовали культурные различия между отдельными кочевыми социумами, вступившими в процесс смешения. Изменение этих представлений у конкретных групп населения возможно только в течение длительного времени (несколько поколений гончаров), при условии непрекращающихся контактов носителей разных традиций.

2. Отбор и добыча исходного сырья.

В рамках решения данных технологических задач (первая и вторая ступени подготовитель-

ной стадии) зафиксировано использование 11 сортов глин в качестве исходного сырья. Различия между ними обусловлены разнообразием состава естественных примесей: наличием или отсутствием железистых включений, степенью концентрации и качественными особенностями песка, пылевидной слюды и т. п.

Многообразие видов сырья для изготовления посуды свидетельствует об использовании кочевниками нескольких его источников. Этот факт может быть объяснен, с одной стороны, отсутствием постоянной связи с конкретным источником кочевого образа жизни, а с другой — существованием различных навыков отбора сырья у тех групп населения, которые кочевали на территории Самарского Заволжья, что, в свою очередь, возможно, определено их этнокультурными различиями и смешанным характером некоторых сообществ.

3. *Обработка исходного сырья.*

В рамках решения технологических задач третьей ступени подготовительной стадии выявлено использование сырья в первоначально влажном состоянии. Кроме того, выявлена традиция использования сухого сырья, которое перед употреблением дробилось и лишь после этого заливалось жидкостью (табл. 1; 2).

4. *Составление формовочных масс.*

Процесс составления формовочной массы сосуда является четвертой ступенью подготовительной стадии. В качестве искусственных примесей в сырье добавляли шамот, органические вещества (навоз, органические растворы, органику), дробленую кость, тальковую и кварцевую дресву. Выявлено несколько видов рецептов формовочных масс. Из них один простой, 8 — сложных, 5 — составных (табл. 1; 2). Простой рецепт предполагает состав формовочных масс в виде сырья и одного вида примеси. Сложный рецепт предполагает использование наряду с исходным сырьем двух функционально разных видов примеси. Составной — предполагает присутствие в формовочной массе сосуда сырья и более одного вида примеси, имеющей одну и ту же функцию. Отмеченное разнообразие рецептов составления формовочных масс, в том числе нескольких сложных и составных, позволяет предположить, что кочевнические коллективы, к которым принадлежали гончары, являлись смешанными по своему составу. Именно для таких социумов характерно разнообразие навыков керамического производства. Другой причиной выявленного многообразия могло являться отсутствие привычных материалов для производства посуды.

5. *Конструирование.*

Степень сохранности и недоступность для исследования сосудов многих сосудов не позволила получить достаточную информацию по ступеням связанным с конструированием сосудов.

6. *Обработка поверхностей.*

Удалось зафиксировать следующие способы обработки поверхностей сосудов: 1) заглаживание (шерстью животных, пальцами, кожей), 2) лощение, 3) сочетание заглаживания и лощения.

7. *Придание изделиям прочности.*

Все исследованные сосуды испытали термическое воздействие, и их обжиг производился при температурах выше 450°С.

Для определения характера изменений, происходивших в сфере керамического производства кочевников, представляется целесообразным рассмотреть характеристики навыков производства посуды в различные периоды истории скотоводческих коллективов. При этом акцент будет сделан, прежде всего, на особенностях составления формовочных масс. Навыки этой ступени технологии производства керамики изменяются достаточно быстро при изменении этнокультурного состава населения.

К числу наиболее ранних относятся сосуды из погребения в кургане 9 Новопавловского могильника (рис. 1, 2) и погребения 3 в кургане 4 могильника Неприк (рис. 1, 1). Эти памятники датированы V в. до н. э. Миниатюрный сосудик (рис. 1, 4) происходит из погребения 1 в кургане 5 могильника Березки I, дата которого — V в. до н. э. либо рубеж V—IV вв. до н. э. Еще один горшок савроматского времени (рис. 1, 3), найден в разрушенном погребении кургана 2 Новоберезовского могильника и не может быть датирован более точно (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 197—198; 2000. С. 73; Скарбовенко, 2005). Миниатюрным круглодонным сосудиком из могильника Березки I (рис. 1, 4) представлен рецепт составления формовочной массы из глины с добавлением только органического вещества. В керамике более позднего времени этот рецепт не зафиксирован. Наиболее характерным при изготовлении плоскодонной посуды рассматриваемой группы (рис. 1, 1—3) было использование в качестве исходного сырья ожелезненной глины с большим содержанием естественной примеси песка. В глину добавлялись органические вещества (раствор или навоз), а также шамот в концентрации 1:4. При механической обработке поверхностей сосудов использовались различные способы заглаживания.

В IV в. до н. э. эта традиция сохраняется. Рецепт формовочной массы, подразумевающий использование глины, органического вещества и шамота, зафиксирован при исследовании плоскодонного сосуда (рис. 1, 6), имеющего форму, типичную для керамической посуды савроматского времени и обнаруженного в погребении 3 кургана 25 могильника Гвардейцы I, датированного IV в. до н. э. (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999. С. 148—149).

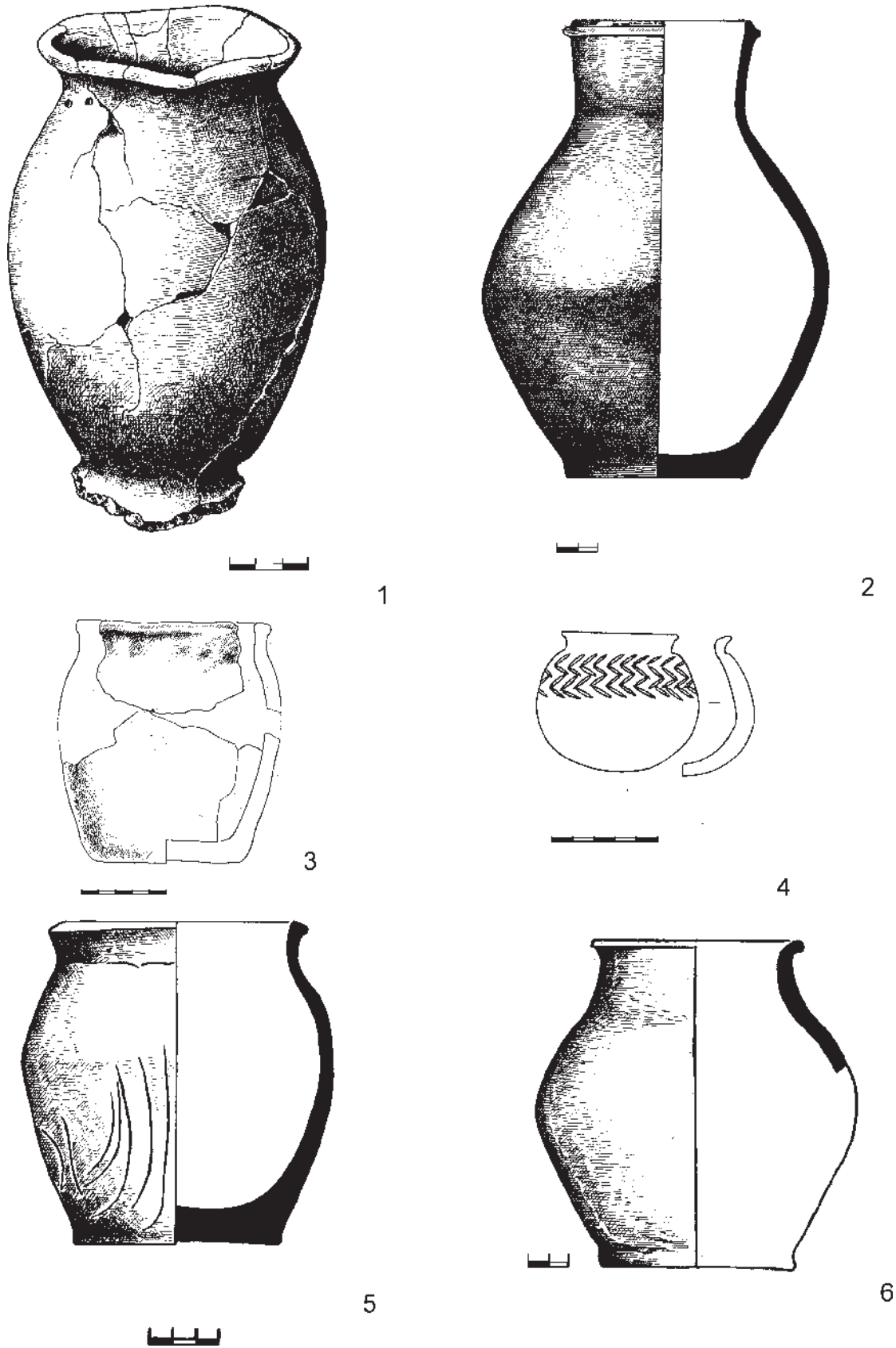

Рис. 1. Сосуды из погребений савроматского и раннесарматского периодов: 1 – Неприк, к. 4, п. 3; 2 – Новопавловский, к. 9, п. 1; 3 – Новоберезовский, к. 2, п. 1, сосуд 2; 4 – Березки I, к. 5, п. 1; 5 – Виловатовский I, к. 17, п. 2; 6 – Гвардейцы I, к. 25, п. 3.

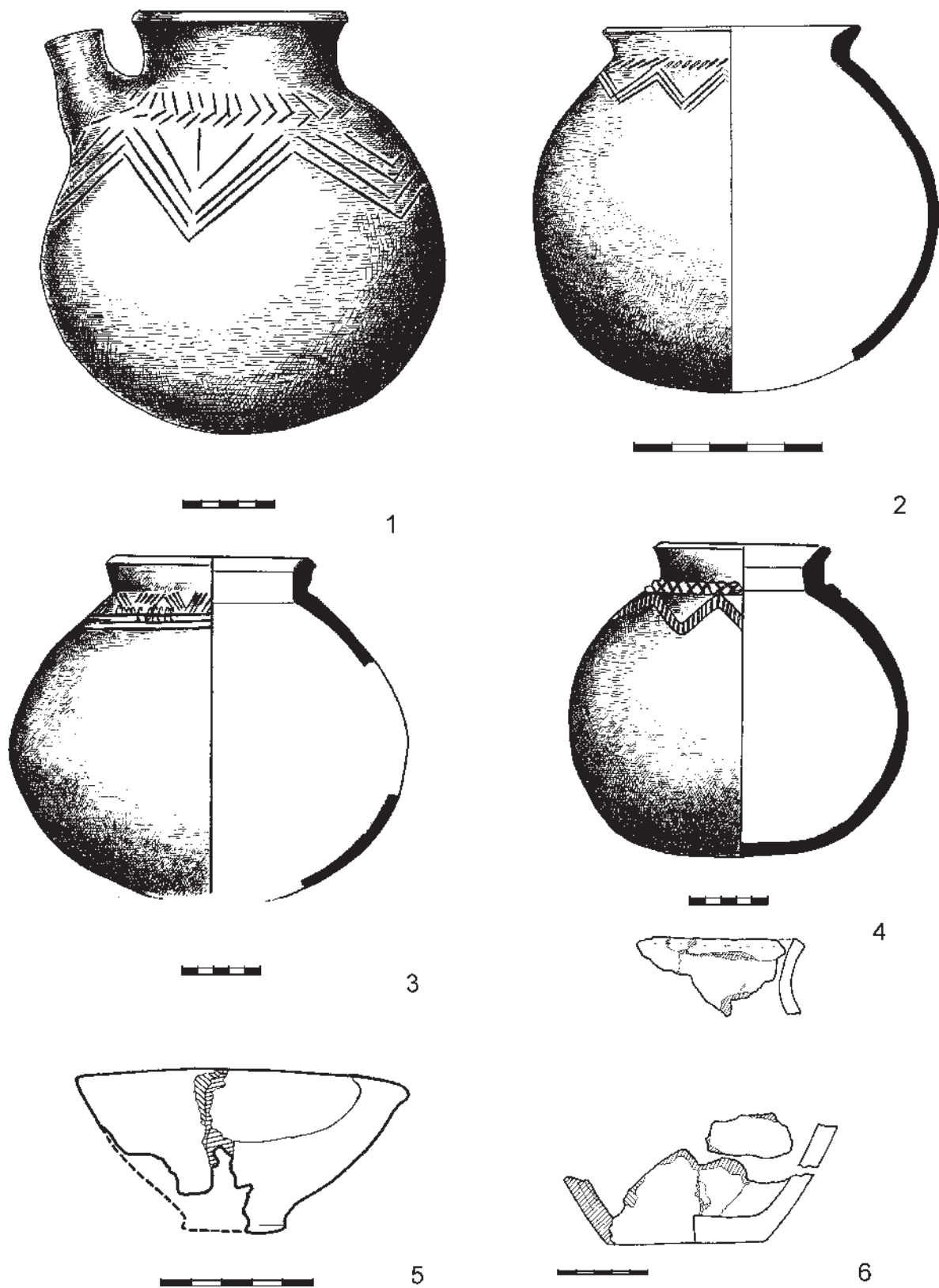

Рис. 2. Сосуды раннесарматского периода: 1 – Кировский I, к. 9, п. 20; 2 – Утевка II, к. 3, п. 2; 3 – Новопавловский, к. 10, п. 1, сосуд 1; 4 – Новопавловский, к. 10, п. 1, сосуд 2; 5 – Журавлиха I, к. 1, п. 1, сосуд 2; 6 – Журавлиха I, к. 1, п. 2, сосуд 3.

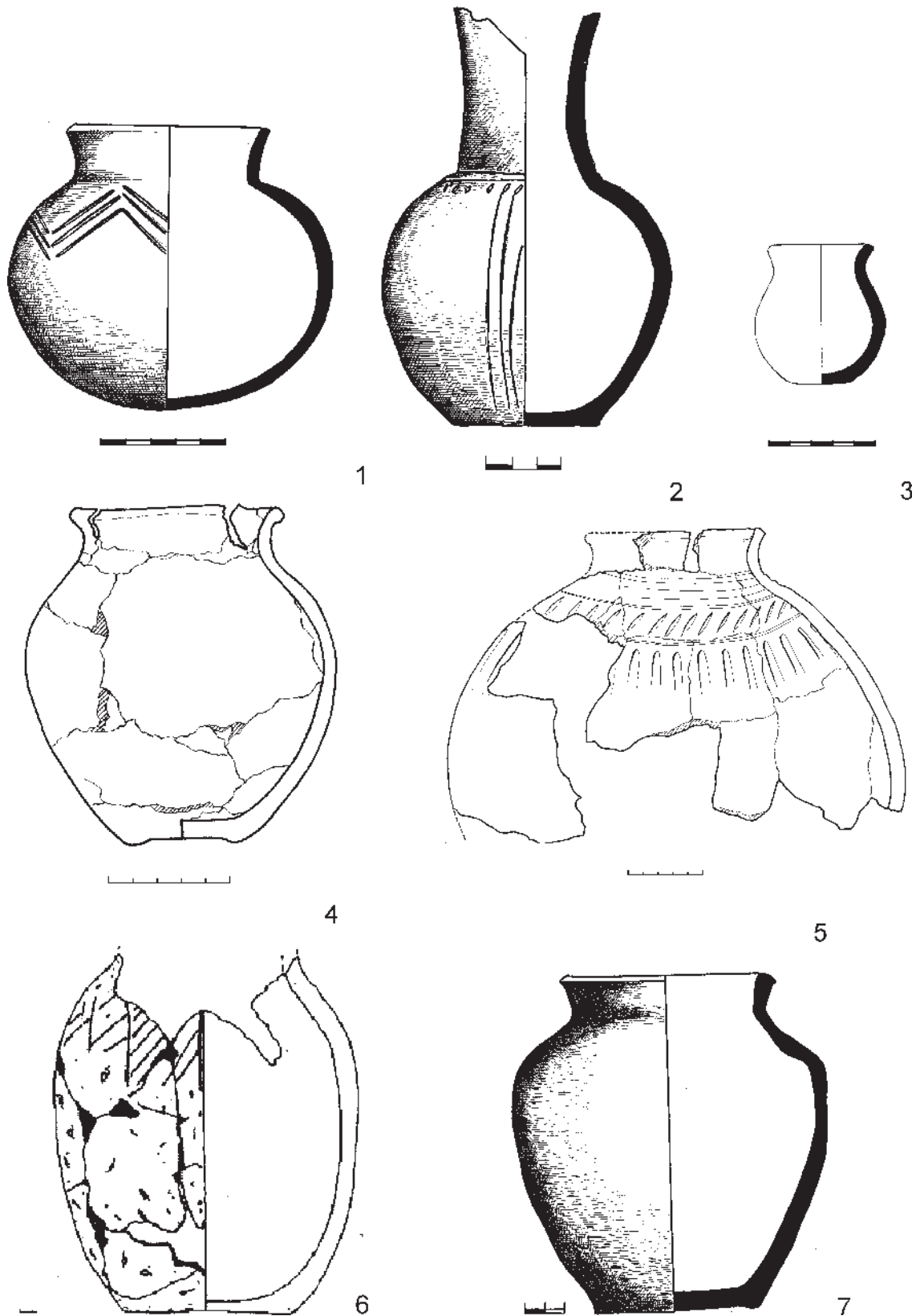

Рис. 3. Сосуды раннесарматского периода: 1 – Виловатовский I, к. 4, п. 1, сосуд 1; 2 – Виловатовский I, к. 1, п. 1; 3 – Гвардейцы I, к. 31, п. 2, сосуд 1; 4 – Журавлиха I, к. 1, п. 6; 5 – Журавлиха I, к. 1, п. 18; 6 – Калиновка, к. 1, п. 1, сосуд 1; 7 – Нижнеозерецкий V, к. 2, п. 1, сосуд 1.

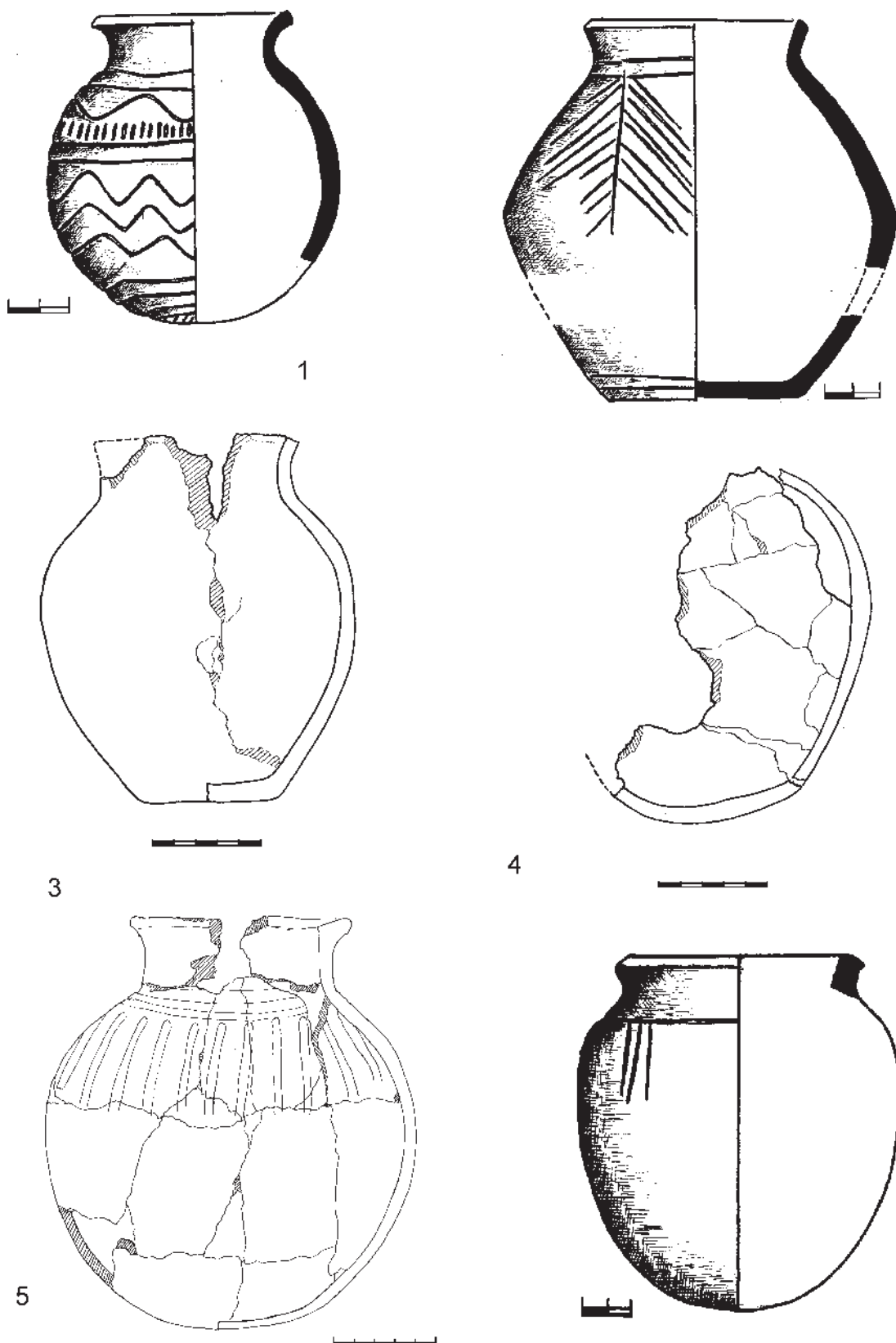

Рис. 4. Сосуды раннесарматского периода: 1 – Гвардейцы I, к. 25, п. 2, сосуд 1; 2 – Гвардейцы I, к. 25, п. 2, сосуд 2; 3 – Журавлиха I, к. 1, п. 1, сосуд 1; 4 – Журавлиха I, к. 1, п. 2, сосуд 2; 5 – Журавлиха I, к. 1, п. 2, сосуд 1; 6 – Тамбовка II, к. 2, сосуд из рва.

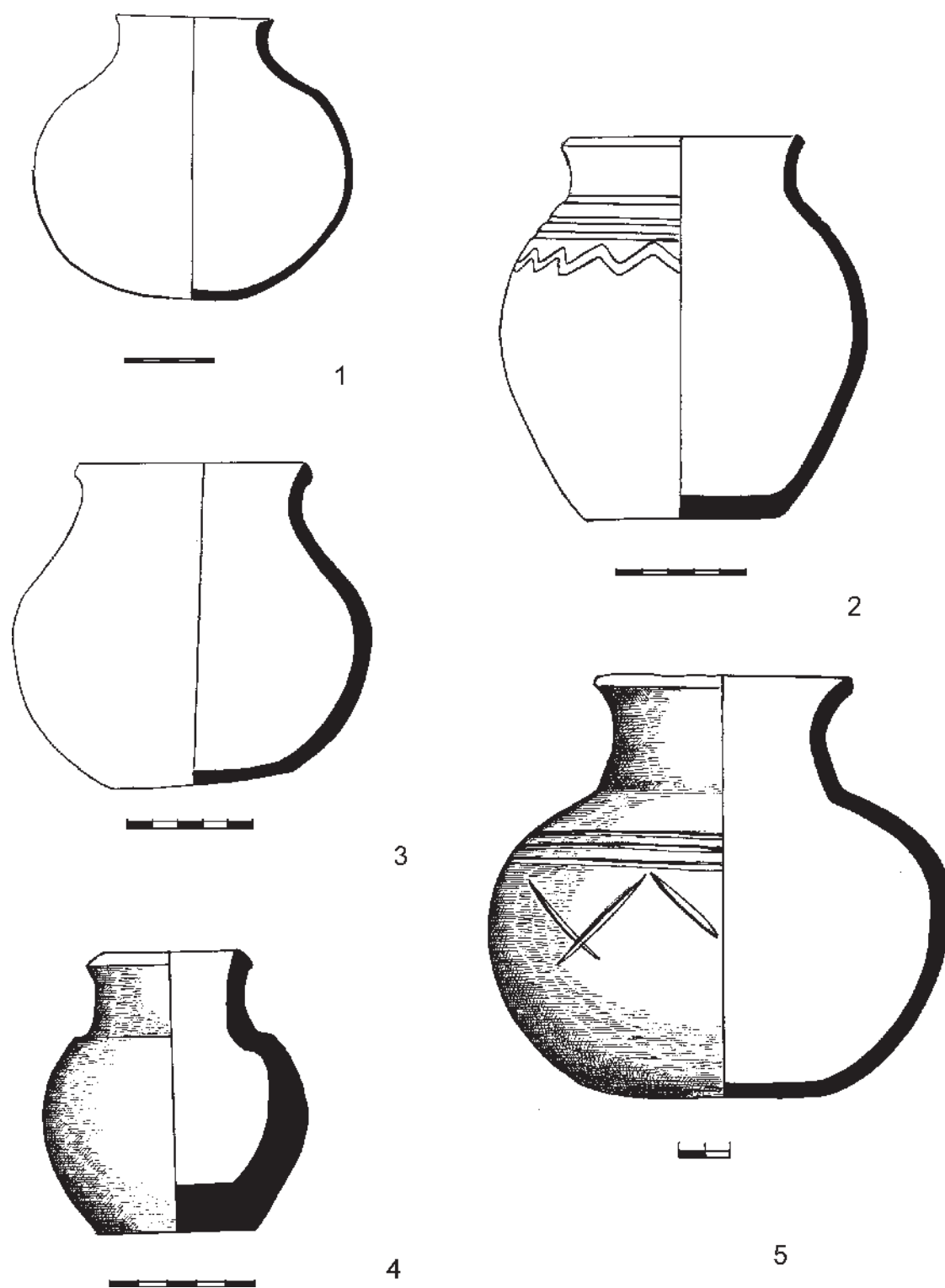

Рис. 5. Сосуды раннесарматского периода: 1 – Гвардейцы I, к. 31, п. 1, сосуд 1; 2 – Гвардейцы I, к. 31, п. 1, сосуд 3; 3 – Гвардейцы I, к. 31, п. 2, сосуд 2; 4 – Нижнеозерецкий V, к. 2, п. 1, сосуд 2; 5 – Виловатовский I, к. 4, п. 1, сосуд 3.

Таблица 1. Основные характеристики рецептов формовочных масс сосудов савроматского и раннесарматского времени

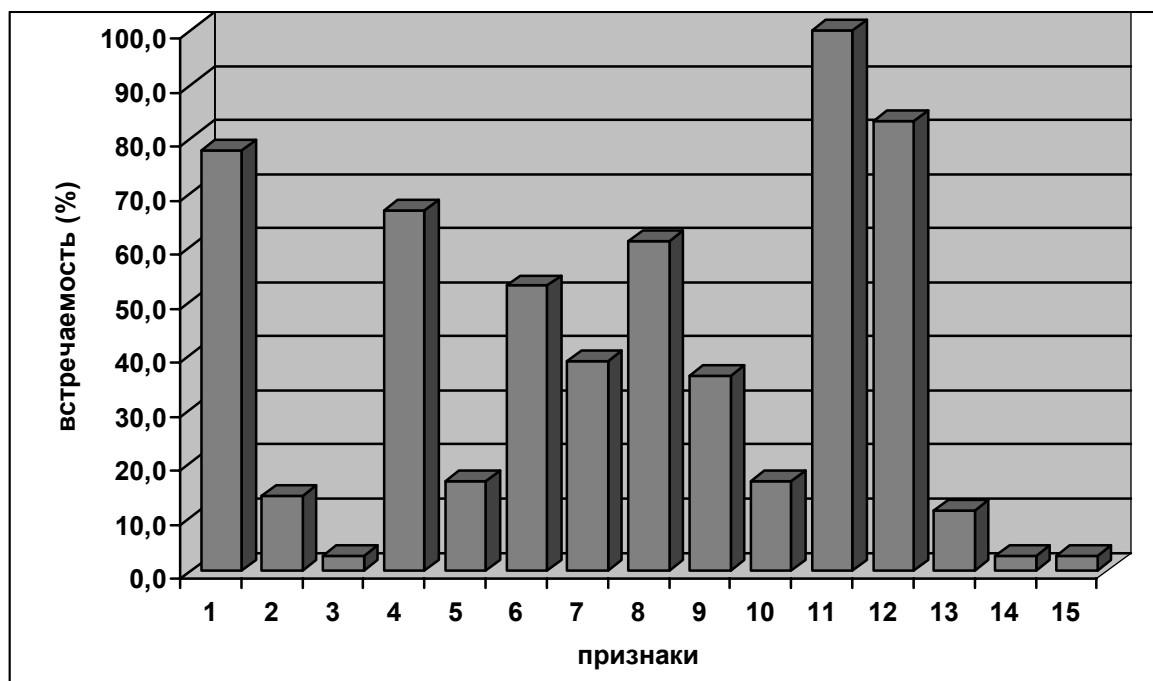
Памятник, сосуд	Признаки														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Новопавловский, к.10, п.1, с.2	1			1			1	1		1	1				
Новопавловский, к.10, п.1, с.1	1			1			1	1		1	1				
Утевка II, к.3,п.2	1			1			1	1		1	1				
Журавлиха I, к.1, п.1, с.2	1			1			1	1		1	1	1			
Журавлиха I, к.1, п.2, с.3	1			1		1		1		1	1	1			
Тамбовка II, к.2, п.5	1			1		1			1	1	1		1	1	
Кировский I, к.9, п.20	1			1		1			1		1	1			
Вилловатовский I, к.17, п.3	1			1					1		1	1			
Новопавловский, к.9, п.1	1			1		1			1		1	1			
Новоберезовский, к.2, п.1, с.2	1			1			1		1		1	1			
Новоберезовский, к.2, п.1, с.3	1			1			1		1		1	1			
Гвардейцы I, к.25, п.3	1			1			1		1		1	1			
Гвардейцы I, к. 31, п.2, с.1	1			1		1			1		1	1			
Березки I, к.5, п.1	1			1			1		1		1				
Вилловатовский I, к.4, п.1, с.1	1			1			1	1			1	1			
Журавлиха I, к.1, п.2, с.1	1			1			1	1			1		1		
Вилловатовский I, к.4, п.1, с.2	1			1		1	1	1			1	1			
Гвардейцы I, к.31, п.1, с.3	1			1		1	1	1	1		1	1			
Гвардейцы I, к.31, п.1, с.1	1			1		1	1	1	1		1	1			
Нижнеозерецкий V, к.2, п.4	1			1		1	1	1	1		1	1	1		
Нижнеозерецкий V, к.2, п.1, с.2	1			1		1	1	1	1		1	1			
Гвардейцы I, 31, 2,с.2	1			1		1	1	1	1		1	1			
Калиновка, к.1, п.1, с.1	1			1		1	1	1	1		1	1			
Вилловатовский I, к.1, п.1	1			1		1	1	1	1		1	1			
Нижнеозерецкий V, к.2, п.1, с.1	1			1		1	1	1	1		1	1			
Нижнеозерецкий V, к.2, п.3	1			1		1	1	1	1		1	1			
Журавлиха I, к.1, п.6	1			1		1	1	1	1		1	1			
Журавлиха I, к.1, п.18, с.1	1			1		1	1	1	1		1	1			
Журавлиха I, к.1, п.1, с.1		1									1	1			
Калиновка, к.1, п.1, с.2		1						1			1	1			
Тамбовка II, к.2, жертвен. место		1									1	1			1
Гвардейцы I, к.25, п. 2, с.1		1									1	1			
Гвардейцы I, к.25, п.2, с.2		1									1	1			
Журавлиха I, к. 1, п.2, с.2			1			1		1			1	1			
Тамбовка II, к.2, ров				1		1		1			1	1	1		
Неприк, к.4, п.3	1			1				1			1	1			
Всего:	28	5	1	24	6	18	14	23	12	6	36	30	4	1	1
Всего (в%)	77,8	13,9	2,8	66,7	16,7	50,0	38,9	63,9	33,3	16,7	100	83,3	11,1	2,8	2,8

1 – глина, 2 – глиноподобное сырье, 3 – глина + глиноподобное сырье, 4 – один вид глины, 5 – два вида глины, 6 – глина, дробленая в сухом виде перед составлением формовочной массы, 7 – глина, использованная во влажном состоянии, 8 – «жирная» глина, 9 – «тощая» глина, 10 – примесь талька, 11 – примесь органики, 12 – примесь шамота, 13 – примесь дробленой кости, 14 – примесь песка, 15 – примесь кварцевой дресвы.

На рубеже V–IV вв. до н. э. или в самом начале IV в. до н. э. в степях Самарского Заволжья появляются погребальные комплексы, содержащие круглодонные сосуды, которые выделяются специфичностью целого ряда технологических параметров. Эта посуда (рис. 2, 2–

4) происходит из погребения 1 в кургане 10 Новопавловского могильника и погребения 2 в кургане 3 Утевского II могильника (Скарбовенко, 1976. С. 175–176; Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 200–201). В качестве исходного сырья при ее изготовлении использовалась ожелезнен-

Таблица 2. Распределение признаков, характеризующих особенности формовочных масс посуды савроматского и раннесарматского времени

1 – глина, 2 – глиноподобное сырье, 3 – глина + глиноподобное сырье, 4 – один вид глины, 5 – два вида глины, 6 – глина, дробленая в сухом виде перед составлением формовочной массы, 7 – глина, использованная во влажном состоянии, 8 – «жирная» глина, 9 – «тощая» глина, 10 – примесь талька, 11 – примесь органики, 12 – примесь шамота, 13 – примесь дробленой кости, 14 – примесь песка, 15 – примесь кварцевой дресвы.

ная глина практически без естественной примеси песка. В качестве искусственных примесей добавлялась органика (раствор или навоз) и дресва из талькового сланца (табл. 1; 2). Следует отметить значительную концентрацию дресвы, которая смешивалась с глиной в соотношении 1:1, 1:2 и даже 2:1. Обработка поверхностей производилась лощением или заглаживанием, близким к лощению. Орнамент прочерчивался. Данная традиция производства посуды связана с группами кочевников – создателей прохоровской (раннесарматской) культуры, мигрировавшими в IV в. до н. э. в степи Самарского Заволжья из Южного Приуралья (Скарбовенко, 1976. С. 177; Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 210).

Любопытные результаты были получены при изучении сосуда из погребения 20 кургана 9 Кировского I могильника (рис. 2, 1). Этот погребальный комплекс может быть датирован рубежом V–IV веков до н. э. или ранним IV в. до н. э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 200; 2000. С. 27). Сосуды аналогичной формы известны в погребениях Южного Приуралья, датируемых V–IV вв. до н. э. и IV в. до н. э. и обозначаемых как поздне-савроматские, раннепрохоровские, либо переходные «савромато-сарматские» (Пшеничнюк, 1983. С. 88, 100, 101. Табл. XXVII, 12; XLI, 16; Смир-

нов, 1975. С. 145, 148; 1977. С. 33–34. Рис. 14, 5; 1985. С. 11–12. Рис. 1, 5; Сорокин, 1958. Рис. 21, 1). В большинстве случаев одним из компонентов формовочной массы этих сосудов являлась тальковая дресва (Пшеничнюк, 1983. С. 100–101; Смирнов, 1989. С. 173), реже фиксируется шамот (Смирнов, 1975. С. 145). Рецепт составления формовочной массы рассматриваемого сосуда из погребения 20 кургана 9 Кировского I могильника аналогичен рецептам составления формовочной массы, зафиксированным при изучении керамической посуды из средневожских захоронений савроматского времени: глина + шамот + навоз. Один из возможных вариантов интерпретации этого факта – изменение традиции составления формовочной массы под влиянием «савроматских» традиций при сохранении навыков формообразования, существовавших у кочевников, создавших раннепрохоровскую культуру.

В III–I вв. до н. э. сохраняется навык составления формовочной массы, наиболее распространенный в савроматское время (глина + шамот + органика). Однако при этом употреблялась преимущественно слабозапесоченная глина. Данный состав формовочной массы выявлен при исследовании 9 сосудов (рис. 1, 5; 3, 1–7). Эта керамика происходит из могильников

Виловатовский I (к. 1, п. 1; к. 4, п. 1); Нижнеозерецкий V (к. 2, п. 1, с. 1; п. 3), Журавлиха I (к. 1, п. 6), Гвардейцы I (к. 31, п. 2, с. 1) (Мышкин, 1992. С. 133–134; Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 207–208; Кузнецов, Мышкин, 2003. С. 157. Рис. 5, 2; Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999. С. 152). Два сосуда этой группы (Виловатовский I, к. 17, п. 3; Калиновка, к. 1, п. 1, с. 1) не имеют достаточных оснований для узкой датировки в пределах раннесарматского времени.

В III–I вв. до н. э. видоизменяются навыки керамического производства, связанные с использованием тальковой дресвы в качестве одной из примесей. Ни в одном из сосудов, датированных этим временем, не зафиксирована примесь тальковой дресвы в концентрации, характерной для сосудов IV в. до н. э. В то же время, отмечено появление новых, не встречавшихся ранее составных рецептов формовочных масс с использованием тальковой примеси. Вероятно, они имели смешанный характер. Один из таких рецептов использовался при изготовлении двух сосудов, найденных в погребениях кургана I могильника Журавлиха I, датированных III – первой половиной II вв. до н. э. (Кузнецов, Мышкин, 2003. С. 149–152). В качестве сырья при изготовлении курильницы из погребения 1 и сосуда 3 из погребения 2 (рис. 2, 5–6) использовалась глина с добавлением органического вещества, шамота и тальковой дресвы в незначительной концентрации (табл. 1). Частично сохранившийся сосуд из погребения 5 кургана 2 Тамбовского II могильника (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 204–205) изготовлен из глины, в которую были добавлены тальковая дресва, органика, дробленая кость и песок (табл. 1). Интересно также, что в шамоте 9 сосудов III–I вв. до н. э. выявлена примесь талька, что является, на наш взгляд, свидетельством достаточно распространенной практики вторичного использования сосудов с примесью тальковой дресвы.

Эти наблюдения позволяют предположить, что с рубежа IV–III вв. до н. э. обычай добавлять тальковую дресву в глину сосудов видоизменился и начал угасать. Тальк в Самарском Поволжье не встречается. Поэтому кочевники, мигрировавшие в IV в. до н. э. в средневожские степи с территории Южного Приуралья, оказались вдали от источников этого сырья. Это ограничивало возможность использования талька в гончарном производстве. Возможно, в связи с этим гончары, входившие в состав мигрировавших групп, вынуждены были уменьшать концентрацию данной примеси в формовочной массе изготавливаемых сосудов. В качестве замены тальковой дресвы гончары начали добавлять шамот, полученный при дроблении сосудов с примесью талька в глине. Подобная замена стала возможной, очевидно, в результате контактов производителей

керамики, являвшихся, с одной стороны, носителями «раннепрохоровских» культурных традиций и «савроматских» культурных традиций – с другой. Подобные контакты представляются возможными при объединении производителей керамики в рамках одного общества. Практика вторичного использования сосудов с примесью тальковой дресвы свидетельствует об определенной степени культурной преемственности и этногенетических связях социумов, населявших средневожские степи с IV в. до н. э. по I в. до н. э.

Интересно, что у кочевников Южного Урала в III–II вв. до н. э. в технологии производства керамики с тальковой примесью происходили те же процессы, что и у населения Самарского Заволжья. В частности, исследование посуды ранних сарматов из могильников бассейна р. Илек (Мечет-Сай, Покровка I, II, VII, VIII) показало, что в этот период тальк продолжал использоваться как самостоятельная примесь, однако при этом происходило угасание данной традиции (Краева, 2000. С. 12–13). Поэтому отмеченные изменения в производственных традициях были связаны, прежде всего, с изменением этнокультурного состава скотоводческих групп, оставивших могильники в бассейне рек Илек и Самара.

Особенностью технологии изготовления шести сосудов (рис. 5, 1–5), происходящих из раннесарматских погребений могильников Гвардейцы I, Нижнеозерецкого V и Виловатовского I, является использование исходного пластичного сырья, состоящего из смеси двух глин. При этом одна из глин перед употреблением дробилась в сухом виде, а другая использовалась во влажном состоянии. Как правило, смешивавшиеся глины отличались друг от друга концентрацией естественной примеси песка, то есть одна из них являлась слабозапесоченной, другая – сильнозапесоченной. Формовочная масса рассматриваемых сосудов составлялась из сырья, органического вещества и шамота (табл. 1). Навыки труда, связанные с обработкой поверхностей, представлены как заглаживанием, так и лошением отдельных частей или внешней поверхности. Орнаментация выполнялась техникой прочерчивания. Все сосуды этой группы можно отнести ко времени в пределах III–I вв. до н. э. (Мышкин, 1992. С. 13; Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999. С. 152; Кузнецов, Мышкин, 2003. С. 149–152).

Достаточно большой серией из четырех сосудов представлены навыки производства керамики из глиноподобного сырья, в которое добавлялись шамот и органика (рис. 4, 1–3). Только один сосуд этой группы может быть датирован достаточно узко. Сосуд 1 из погребения 1 в кургане I могильника Журавлиха I может быть датирован III – первой половиной II в. до н. э. (Кузнецов,

Мышкин, 2003. С. 151). Остальные сосуды этой группы найдены в раннесарматских погребениях, для которых невозможно предложить узкую дату (Мышкин, Скарбовенко, Хохлов, 1999. С. 149; Сташенков, 1999. С. 26–27. Рис. 3). Поэтому не исключено, что время появления у сарматов навыков изготовления сосудов из глиноподобного сырья приходится на IV в. до н. э. Плохо сохранившийся горшок из жертвенного места в кургане 2 Тамбовского II могильника изготовлен из глиноподобного сырья с примесью шамота, органики и кварцевой дресвы. Он датирован рубежом IV–III вв. до н. э. или III в. до н. э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 204–205).

Ряд образцов керамики характеризуется специфическим составным рецептом формовочной массы, отличающим их от всей остальной посуды.

Один из горшков (рис. 4, 5) из погребения 2 кургана I могильника Журавлиха I изготовлен из глины с примесью органики и дробленой кости, второй (рис. 4, 4) — из смеси глиноподобного сырья и глины, компонентами формовочной массы являлись шамот и органика. Зафиксирован также рецепт изготовления керамики (Нижеозерецкий V могильник, к. 2, п. 4) из смеси двух глин с добавлением органики, шамота и дробленой кости. Формовочная масса сосуда (рис. 4, 6) из рва в кургане 2 Тамбовского II могильника состояла из глины одного сорта с такими же примесями. В этом же кургане, в жертвенном месте находилась придонная часть сосуда, изготовленного из глиноподобного сырья с примесью органики, шамота и кварцевой дресвы. Лишь один фрагментированный сосуд из погребения 4 кургана 2 Нижнеозерецкого V могильника не

может быть достаточно точно датирован (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 207). Большинство же перечисленных сосудов происходит из погребальных комплексов, дата которых приходится на период, начиная с рубежа IV–III вв. до н. э. и до первой половины II в. до н. э. (Мышкин, Скарбовенко, 1996. С. 204–205; Кузнецов, Мышкин, 2003. С. 149–152).

Подводя итоги, можно отметить, что технологические навыки керамического производства, существовавшие у кочевников Самарского Заволжья в V–I вв. до н. э., характеризуются значительным разнообразием на протяжении всего этого периода. Вариабельность отмечена применительно ко всем исследованным ступеням гончарного производства. Эта неоднородность, выявленная на уровне приспособительных навыков труда, свидетельствует о смешанном характере кочевнических обществ, населявших Самарское Заволжье. Следует отметить, что разнообразие навыков изготовления глиняной посуды существенно увеличилось в раннесарматский период и характерно, прежде всего, для III–I вв. до н. э.

Изложенные выше наблюдения говорят о наличии связей в такой сфере культуры кочевников Самарского Заволжья V–I вв. до н. э., как технология гончарного производства. Это свидетельствует о существовании генетической преемственности между определенными группами кочевнических сообществ на протяжении всего рассматриваемого времени, так как в первобытную эпоху передача технологической информации была возможна только при прямом непосредственном контакте гончаров, основанном, прежде всего, на кровнородственных связях.

Литература

- Бобринский А.А., 1978.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.
- Бобринский А.А., 1999.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара.
- Иванова Н.В., 2000.** Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.
- Краева Л.А., 2000.** Технология изготовления керамики из «прохоровских» погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара.
- Краева Л.А., 2003.** Некоторые аспекты изучения технологии изготовления керамики из сарматских погребений III–I вв. до н. э. бассейна р. Илек // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. II. М.
- Краева Л.А., 2003а.** Результаты технико-технологического анализа керамики из раннесарматских погребений Шумаевских курганов // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: ММНК. Пермь.
- Кузнецов П.Ф., Мышкин В.Н., 2003.** Исследование могильника Журавлиха I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград.

- Мошкова М.Г., 1963.** Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д 1-10. М.
- Мошкова М.Г., 1974.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.
- Мышкин В.Н., 1992.** Сарматские погребения Вилатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 1996.** Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья (по итогам раскопок 1974–1987 гг.) // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 2000.** Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 1999.** Сарматские курганы у с.Гвардейцы // АПО. Вып. III. Оренбург.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А., 2000.** Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара.
- Пшеничник А.Х., 1983.** Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
- Скарбовенко В.А., 1976.** Сарматские погребения у с. Утевка // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.
- Скарбовенко В.А., 2005.** Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М.
- Скрипкин А.С., 1990.** Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Смирнов К.Ф., 1964.** Савроматы. М.
- Смирнов К.Ф., 1975.** Сарматские курганы на Илеке. М.
- Смирнов К.Ф., 1977.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.
- Смирнов К.Ф., 1985.** Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской области // Степи Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Смирнов К.Ф., 1989.** Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963.** Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1-9. М.
- Сорокин В.С., 1958.** Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области // КСИА. Вып. 71.
- Сташенок Д.А., 1999.** Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. I. Самара.